

Уильям не раз пытался пробиться наверх. Он закрыл глаза. Но его мать-королева с лёгкостью одним ударом сбила его с ног, и с тех пор он вёл себя тише воды, ниже травы.

А теперь королева сама разрешила ему выступить на арене.

Когда первоначальный восторг утих, его снова охватил страх. Он даже не мог понять, о чём он думал, когда говорил с матерью такие вещи. Если он не справится или, наоборот, справится слишком хорошо, его могут снова подавить, и на этот раз ему придётся заплатить гораздо больше.

Поэтому по дороге он несколько раз приказывал кучеру остановиться. Дважды он даже хотел развернуться и поехать домой. Он уже придумал, что скажет матери, чтобы отказаться. Но потом он снова менял решение и ехал к своей цели.

Если он откажется сейчас, то потеряет последний шанс. Он не потеряет право на престол, потому что под воспитанием этой властной матери его братья и сёстры... лучше не будем о них. Но пока мать будет жива, он будет полностью отстранён от центральной власти. Управление королевской полицией у него тоже отберут, и у него больше не будет ни денег, ни людей, чтобы покупать ангельский порошок.

Род Крови из-за него уже предстал перед матерью. Если он откажется, откажется ли мать от этой идеи или найдёт кого-то другого для связи с Родом Крови? Смею сказать, Уильям считал себя лучшим партнёром для Рода Крови. Он относился к ним с симпатией и хотел взаимовыгодного сотрудничества. Но другие могли быть не такими.

В будущем, когда он сам взойдёт на престол (если этот день вообще наступит), сможет ли он, будучи таким, стать достойным королём? Проблема была не только в его характере, но и в том, что придворные его не признают.

Поэтому Уильям всё же стоял у ворот участка Рыбьего Хвоста. Но он был очень напряжён. Знакомое место теперь казалось ему чужим и зловещим.

– Здравствуйте, инспектор Чендлер.

Здесьние полицейские его уже знали и дружелюбно приветствовали.

– Хотите жареной курицы?

Увидев протянутую ему жареную курицу, блинчики, чай с молоком и прочее, Уильям постепенно расслабился и наконец улыбнулся:

– Да, спасибо.

Время вернулось к моменту, когда Орвицка передал мэру три телеграммы. Хотя он сделал это довольно легко, после того, как всё закончилось, Орвицка сам был немного ошеломлён. Это же бонус за переселение? Это точно бонус за переселение? Он же просто приехал поймать убийцу. Можно ли обойтись без таких бонусов?

Когда это ловля убийц стала для него обычным делом? Вначале он хотел быть просто ленивым полицейским, который иногда патрулирует и работает с девяти до пяти.

В общем, сейчас нужно было вернуться в главное управление и допросить тех четверых уличных артистов.

В главном управлении сейчас тоже было оживлённо. Тела, лежавшие у входа в участок, когда Орвицка уезжал, уже исчезли. На земле лежало несколько цветов, и ещё кто-то подходил и клал цветы. Они не были похожи на родственников полицейских, просто горожане.

Полицейские кареты сновали туда-сюда. В окрестных ресторанах, гостиницах и даже некоторых жилых домах было полно людей. Вооружённые полицейские по восемь человек патрулировали некоторые районы. Некоторые вооружённые горожане тоже создавали отряды и либо стояли на страже у зданий, либо под руководством одного-двух полицейских тоже патрулировали.

В Рыбьем Хвосте тоже было подобное. Эти люди пришли в поисках убежища.

В холле Орвицка увидел двух журналистов. Они откуда-то достали большой стол, поставили его в холле, разложили на нём карту. Танни втыкал в карту булавки с маленькими записками, а Розенберг вёл записи о состоянии полицейских. Сын шерифа сидел рядом и помогал им. Этот молодой человек не сдался окончательно, на его лице не было обиды, он старался помогать и учиться.

"Когда он только приехал в Хаарлем, он просил карту, но потом это как-то забылось".

- Вернёшься в Содман, пойдёшь работать в полицию, как тебе? – пошутил Орвицка.

Журналисты, хотя и работали с энтузиазмом, всё же дружно закатили на него глаза.

После короткой шутки перешли к делу:

- Большинство обращений – это кражи со взломом, грабежи, с небольшим количеством изнасилований и убийств... – Розенберг вздохнул. – Офицер Мондэйл, вы обязательно должны оставаться полицейским, продолжать работать.

Но массовых скоплений беглецов не было, максимум – два-три человека вместе, так что людей хватало. Кстати, в больнице определили, чем отравились полицейские. Это был яд аконита, скорее всего, очищенный.

Розенберг жестом указал на сына шерифа.

- Расскажите офицеру Мондэйлу подробности, а у меня ещё дела.

Хотя многие пострадали, Орвицка всё же вздохнул с облегчением. По крайней мере, второго Королевского проспекта не было. То есть, обезумевшие бандиты были только в двух группах, уничтоженных в участке и на Королевском проспекте. Остальные беглецы, скорее всего, хотели просто раздобыть немного денег и затаиться. Изнасилования или убийства происходили, когда эти парни не могли сдержаться.

Значит, в нынешнем темпе полиция сможет справиться с ситуацией.

А вот история с отравлением удивила Орвицку. Он не ожидал, что это дело так быстро раскроют.

"В прошлый раз дело об отравлении в школе быстро раскрыли, потому что симптомы отравления белладонной были довольно характерными и легко узнаваемыми. Но, кроме неё, симптомы отравления другими ядами были очень общими: рвота, судороги, рвота кровью, пена изо рта и так далее. Широко известный запах миндаля при отравлении цианидом тоже не все

могли почувствовать".

В эпоху, когда даже анализ крови был редкостью, определить вид яда было очень трудно.

И с большой вероятностью это тоже было дело рук того самого оборотня.

Орвицка, глядя на сына шерифа, был очень заинтересован в том, чтобы узнать правду.

- !

Эдмонд, тихо сидевший сзади, не ожидал, что его вызовут. Слова отказа застряли у него на языке. Розенберг в этот момент уже пошёл регистрировать только что вошедших полицейских.

Эдмонд глубоко вздохнул и начал рассказывать Орвицке:

- По словам выживших, оборотень, переодетый в полицейского из участка, привёл торговца с тележкой сэндвичей. Сказал, что в будущем торговец будет продавать сэндвичи на Бодепаристрит, и сегодня пришёл заранее поблагодарить нас.

Говоря это, Эдмонд слегка покраснел.

- Сэндвичи на вкус были нормальными, даже немного острыми. Через пять минут после того, как они их съели, у них началась тошнота, многих рвало и поносило, а кто-то сразу потерял сознание. Когда они поняли, что дело, возможно, в сэндвичах, торговца и того полицейского из участка уже и след простыл.

Мелкие торговцы, давая взятки в виде товаров, платили "за крышу" - это было обычным делом. Орвицка, когда только стал полицейским, покупая что-то на Длинной Канаве, тоже часто получал подобные скидки.

Однако, неужели этот Шеффри так быстро нашёл нового сообщника?

- Как определили, что это аконит?

- В больнице есть один травник, он очень хорошо лечит ревматизм аконитом и, конечно, прекрасно знает его свойства. Когда привезли наших людей, по их симптомам этот травник предположил, что это, скорее всего, отравление аконитом. После его лечения состояние большинства действительно начало улучшаться.

- Этот врач говорил, где в Хаарлеме можно достать аконит?

- Спрашивали. Он сказал, что есть много способов. Самый простой - самому пойти в поле и выкопать, он так и делает. Конечно, он назвал нам и несколько аптек. Мы отправили людей спросить, но они в последнее время не продавали больших партий аконита. И... - Эдмонд набрался смелости, - ...и уличные артисты в большинстве своём хорошо разбираются в травах. Тот оборотень, скорее всего, тоже сам собирал аконит.

Сейчас, хотя с развитием промышленности загрязнение тоже росло, но природа всё ещё была гораздо лучше, чем в будущем. Для Орвицки буйная растительность снаружи была просто сорняками, но для знающего человека там было всё, что нужно.

- Хм, я тоже так думаю, - Орвицка кивнул. Короткий утвердительный ответ заставил Эдмонда вздохнуть с облегчением, и он с некоторой благодарностью посмотрел на Орвицку. - А та женщина, которая приходила на свидание?

- Никто не видел, - покачал головой Эдмонд. - По крайней мере, из выживших господ никто не видел.

Орвицка почувствовал, что что-то не так. Он нахмурился и внимательно обдумал слова Эдмонда:

- Полицейские из участков часто приезжают в главное управление?

- Да, они все хотят перевестись в главное управление, потому что в участках действительно не очень хорошо.

- О... - тогда неудивительно, что полицейский из участка приехал со своим "поставщиком" в главное управление, ведь он тоже приехал с подношением. - Нет, всё же что-то странное. Оборотень, переодетый в полицейского из участка, вёл себя очень естественно?

- Мы, вернувшись из больницы, узнали, что тот оборотень - это полицейский. Нет, тот полицейский - это оборотень.

Это была настоящая игра в мафию, и этот оборотень был очень хорошим актёром.

- Насколько хорошо он знал участок?

- ...Не знаю.

- Отправьте людей спросить, был ли тот человек хорошо знаком с участком, например, знал ли он дорогу, мог ли чётко различать звания, называть полицейских по именам и так далее.

Какой бы хитрый и хладнокровный ни был преступник, попав в незнакомую обстановку и притворяясь представителем незнакомой профессии, у него должны были возникнуть какие-то проблемы, верно?

Если у него действительно не было проблем, то Орвицка должен был бы заподозрить, что этот парень не впервые в главном управлении, или, по крайней мере, не впервые притворяется полицейским.

- Да!

- А тот сбежавший заключённый, которого поймали раньше? Приведите его, я его ещё раз допрошу.

Эдмонд не повернулся, чтобы позвать кого-то, и выражение его лица было очень странным.

- В чём дело?

- Уже... казнён.

Орвицка совершенно потерял дар речи. Он допросил его один раз, уехал на ночь, а по возвращении человека уже нет? И эта так называемая казнь, очевидно, не была законным наказанием после судебного разбирательства, а просто самосудом полицейских. Какой "прекрасный" мир.

Орвицка внезапно что-то вспомнил. Он подошёл и похлопал по плечу Розенберга, который занимался регистрацией:

- Полицейские, которые вернулись, привезли с собой пойманных беглецов?
- Нет, наверное, для удобства оставили в участках, – небрежно сказал Розенберг.

Полицейский, занимавшийся регистрацией, тоже выглядел очень странно.

- Ты видел те будки на улицах?
- Видел.
- Это участки Хаарлема.
- ...

Орвицка не так давно тоже думал, что эти домики, похожие на газетные киоски, были просто постами для патрульных. Только вернувшись с Королевского проспекта, он узнал, что это не посты, а участки.

В таких жалких домиках могли сидеть только начальники и заместители начальников участков. Обычные полицейские утром отмечались и целый день патрулировали на улице. Поэтому, когда Эдмонд сказал, что в участках плохо, Орвицка сразу понял.

Именно поэтому, когда из главного управления сбежали заключённые, ситуация мгновенно ухудшилась до нынешнего состояния. Всех арестованных в Хаарлеме сажали в изолятор главного управления. Только после суда их переводили в тюрьму, а до суда они сидели в участке. Промежуточного звена не было.

- Господа! Нам ещё нужно ловить людей! Мы должны получить от них информацию об оборотне! – взревел Орвицка. – Сначала поймаем оборотня, потом поговорим об остальном! Понятно?!

- Да!
- В следующий раз я хочу видеть живых, говорящих беглецов!
- Да!

Орвицка вздохнул, он посмотрел на Эдмонда:

- Я привёз с собой четырёх уличных артистов. Они должны выжить, я доверяю их тебе.

Эдмонд:

- Да!

Орвицка собрался было идти допрашивать четверых, но снова остановился:

- Тележки для продажи товаров здесь – заметная вещь? Выжившие полицейские видели, сколько сэндвичей было в тележке? Где можно купить столько хлеба, мяса и овощей, нужно ли для их приготовления отдельное место? Или это были готовые продукты?

- Я начну проверку. Нет, я сейчас же отправлю людей на проверку.

Он хотел пойти с Орвицкой на допрос четверых, но теперь у Эдмонда было дело.

Силач, карлик, фокусник, гадалка сидели в одной комнате для допросов. У силача половина лица была красной. По опыту Орвицки, через несколько часов его лицо распухнет и даже посинеет. У карлика одна лямка на комбинезоне была оторвана. У фокусника не было цилиндра, а воротник его фрака был разорван с одной стороны. Только гадалка была в порядке.

Когда Орвицка вошёл, силач тут же посмотрел на него свирепым и настороженным взглядом и даже оскалился.

Орвицка достал из-за пазухи чек на пятьсот золотых гербов, положил его на стол и подвинул к силачу:

- Прошу прощения, они обошлись с вами грубо.

- Тьфу! – силач плюнул в сторону Орвицки кровавой слюной, потому что у него не было одного переднего зуба.

Орвицка увернулся:

- Это пятьсот золотых гербов.

Эта сумма всё же впечатлила четверых артистов. Силач тоже перестал смотреть на Орвицку и на пару секунд уставился на чек, но только на пару секунд. Они быстро снова стали невозмутимыми.

Силач не спросил, ему ли этот чек. Он прекрасно понимал, что Орвицка не станет платить ему такую большую сумму в качестве компенсации. Если он и даст, то за что-то.

- Когда вас привезли, вы, должно быть, видели, что происходит снаружи. Это "шедевр" Шеффри, – фокусник даже улыбнулся, но тут же сдержался. – Вы, как его сообщники, понимаете, что вас ждёт?

- ...

Все четверо дружно опустили головы, не отвечая на вопрос и не глядя на Орвицку.

- Скажем так, тому, кто предоставит информацию о Шеффри, – жизнь и пятьсот золотых гербов. Тем, кто будет молчать, – смертная казнь.

Орвицка их не пугал. Если бы он не допросил этих четверых, они бы, несомненно, разделили участь того "умного беглеца", и смерть их была бы ещё более мучительной.

И эти четверо, очевидно, знали о деяниях Шеффри. Это как минимум укрывательство. Если проверить их прошлые перемещения и их поведение во время каждого убийства, Орвицка был уверен, что найдёт доказательства их прикрытия оборотня. Тогда обвинение в соучастии не составит труда.

Реакции по-прежнему не было.

Орвицка вздохнул. Он оставил чек на столе и отодвинул руку. Но как только его рука оказалась под столом, силач схватил чек, разорвал его в клочья, а затем вызывающе приподнял бровь, глядя на Орвицку. И все четверо разразились смехом.

Орвицка тоже улыбнулся, склонив голову, как будто смотрел на какую-то шутку. Его выражение лица не было напускным. Четверо артистов, под его взглядом, постепенно

замолчали.

– Это чек, он отличается от ваучера. Если уничтожить ваучер, то теряется эквивалентная сумма денег, но если уничтожить чек, деньги остаются на месте, можно просто выписать новый, – любезно объяснил им Орвицка.

В мгновение ока четверо перестали смеяться. Они надули губы и отвернулись.

Второго района, подобного Королевскому проспекту, не было, а это означало, что Орвицка мог потратить на этих четверых больше времени.

Орвицка вздохнул. Угрозы и подкуп – он, по сути, тоже нарушал закон, но закон Голубой планеты. Здесь же он был одним из немногих хороших полицейских.

Мысль о том, чтобы допрашивать их по отдельности, промелькнула и тут же была отброшена. Эти четверо очень доверяли друг другу. Допрос по отдельности, скорее всего, не приведёт к тому, что они, боясь, что другие заговорят первыми, начнут наперебой давать показания. Скорее, наоборот, подозрение, что других убили, только усилит их сопротивление.

– Хорошо, я знаю, что вы не скажете. Я больше не буду спрашивать, где Шеффри. Тогда, не могли бы вы рассказать мне, почему Шеффри это делает? Ведь, похоже, мы уже не сможем его поймать, и, возможно, он так и останется безнаказанным всю жизнь. Тогда люди должны хотя бы знать, почему он это делает, и почему те люди умерли? – Орвицка постарался говорить как можно мягче, придерживаясь своей обычной тактики: заставить их говорить. Только в разговоре можно было узнать больше.

Орвицка увидел, что на лицах силача и карлика промелькнуло некоторое колебание, но они, покосившись на всё ещё опустивших головы фокусника и старуху, промолчали и продолжили хранить молчание.

– Он убивал геев и изменников. Его самого обманули, или его родителей? – Орвицка наклонился вперёд, оперевшись локтями на стол. – Некоторые из них действительно были подонками, и единственной их заслугой в этом мире было то, что они производили навоз, удобряющий землю. Но некоторые были невинными людьми, можно даже сказать, трудолюбивыми и порядочными...

– Грязные твари, гонящиеся за мужскими задницами, – усмехнулся карлик.

Старуха и фокусник посмотрели на него, и он замолчал.

– Вы тоже фундаменталисты? – Орвицка вспомнил о первой жертве.

– Ты тоже изменяешь с мужчиной, – старуха внезапно подняла голову и впиалась взглядом в Орвицку. Её острый взгляд напомнил Орвицке его школьную завуча.

– Я не изменяю, – Орвицка спокойно выдержал её взгляд и с улыбкой ответил. – Мы с моим партнёром верны друг другу. Но мой партнёр тоже мужчина.

Орвицка посмотрел на карлика.

– Нормальные люди гонятся за чужими задницами, мужскими или женскими, это инстинкт.

Карлик открыл было рот, но Орвицка услышал звук пинка по стулу. Судя по расположению, это

был фокусник.

- Если вы действительно хотите послушать, то я могу рассказать вам о прошлом Шеффри. После этого, я думаю, вам следует как можно скорее вернуться в Содман, чтобы вы и ваш верный любовник-мужчина могли провести вместе ещё немного времени, - спокойный голос старухи произносил довольно страшные угрозы.

- На самом деле, я очень надеюсь, что он придёт за мной, - но эта угроза была определённо не для Орвицки или Далиана. - Простите, я не должен был вас перебивать. Пожалуйста, продолжайте.

Старуха посмотрела на Орвицку:

- Я знаю, вы хотите из наших слов выудить больше информации о Шеффри, но вы его не найдёте, никто не найдёт... Я - тётя Шеффри, он - сын моей сестры Ланс, но я не знаю, кто его отец.

И не потому, что Ланс продавала своё тело. Она была красива и умна, и, хотя не умела даже писать своего имени, обладала врождённым очарованием и манерами. Мужчины и женщины несли ей всё, что у них было. Она наслаждалась любовью, как духовной, так и телесной.

Она забеременела и не сказала мне, кто отец ребёнка. Она не хотела, чтобы какой-то мужчина делил с ней "её" ребёнка. Но одного Ланс не предвидела: у неё были тяжёлые роды... С трудом родив ребёнка и дав ему имя, она умерла от кровопотери.

Это я вырастила Шеффри. Он был почти как его мать, но я слишком хорошо его защищала, поэтому несколько лет назад главным отличием его от Ланс было то, что он слишком серьёзно относился к любви. Он не наслаждался любовью, а считал её смыслом всей своей жизни.

В итоге его предали. Тот мужчина сладкими речами обманул его сердце, тело и то небольшое состояние, а затем женился на дочери богатого купца. Но он снова появился перед Шеффри и обманул его во второй раз. Он хотел, чтобы Шеффри стал его тайным любовником, и этот дурак согласился.

Пока однажды он не встретил жену того мужчины. Это была добрая женщина, с животом, выбирающая одежду для будущего ребёнка и рассказывающая продавцу, как заботлив и внимателен к ней её муж. А этот заботливый муж незадолго до этого лежал в одной постели с Шеффри.

Взгляд старухи был полон упрёка, как к тогдашнему Шеффри, так и к нынешнему Орвицке:

- Союз мужчины и мужчины - это всего лишь жадная и грязная...

Орвицка постучал по столу, прерывая старуху, с нетерпеливым выражением лица:

- Измена не зависит от ориентации или пола. Это просто измена. Это всё? Он не ищет виновника, а нападает на незнакомых и невинных?